

Осовремененный «Дядя Ваня» в Schauspielhaus | «Oncle Vania» modernisé à Schauspielhaus

Auteur: Людмила Майер-Бабкина, [Цюрих](#) , 16.01.2017.

Вот так выглядит дядя Ваня в Цюрихе (© Schauspielhaus.ch)

Корреспондент Нашей Газеты.ch побывала на премьере пьесы А. П. Чехова в постановке Карин Хенкель в главном театре Цюриха.

|
La correspondante de Nasha Gazeta.ch a assisté à la première de la pièce de Anton Tchekhov mise en scène par Karin Henkel, à Zurich.

«Oncle Vania» modernisé à Schauspielhaus

Занавес открыт. На сцене фронтально к зрительному залу возвышается стена с квадратами проёмов. Они затянуты корочками льда, покрытыми инеем. В центре

сооружения, слепя глаза, - пульсирующий круг света. В течение всего спектакля иней будет таять и шумно падать, всё больше обнажая жёсткий каркас тёмной решётки. Красивая и живая сценографическая идея (ее автор Стефан Лайме), как всегда выполненная театром безупречно, выглядит очень эстетски, но теплотой помещицкой усадьбы с неизменным домашним укладом, уединённостью и продолжительными чаепитиями с гостями от неё не веет.

Мелькнула радостная мысль, что, возможно, атмосфера будет создана не предметами и мебелью, а только актёрами: тонкостью передаваемых ими сложных отношений и глубиной переживаний. Это было бы интересно.

Появление на сцене актёра солидного возраста в роли дяди Вани (Сигги Швинтек), собравшегося застрелиться, потому что для этого подходящая погода на дворе, развеяло наивную надежду. Разумеется, сам по себе этот актёр замечателен, но такое явное возрастное «нарушение» главного персонажа идёт вразрез написанному, ломает другие соотношения. Впрочем, выбор актёров - безусловное право режиссёра (Карин Хенкель), далеко не в первый раз работающего над чеховской драматургией, а потому, надо полагать, хорошо знающего особенности авторского письма. Однако с появлением на сцене других персонажей стал отчётливо виден до боли знакомый взгляд на классическую пьесу о русской интеллигенции в швейцарском прочтении.

Сцена из спектакля "Дядя Ваня" (© Schauspielhaus.ch)

Все обитатели русской помещицкой усадьбы в спектакле обуты в массивные ботинки, потому что... планшет сцены залит водой, а одежда их соответствует общепринятым стандартам «осовременивания классики»: то есть, одежда человека обусловлена не характером персонажа, не принадлежностью его к профессии и не логикой его вкуса, а «правом» создателей спектакля одевать чеховских интеллигентов по своему усмотрению, согласно собственному знанию предмета и вкусу или отсутствию последнего.

Все действующие лица не пьют в усадьбе чай, а хлебают суп из мисок, держа их навесу, так как по воле режиссёра стол, за которым они сидят, безобразно накренился и перекосялся, но никто из них не должен этого заметить. Зачем замечать? Мизансцена нужна режиссёру, чтобы всех участников чеховского сюжета охарактеризовать одним махом, как людей ненормальных. И логика характеров здесь так же не при чём, как и обстоятельство присутствия очаровательной женщины (актриса Лена Шварц), которая, по замыслу Чехова, внесла в дом атмосферу новых ощущений, всколыхнула привычный мир семьи. Уважаемой гостье вообще отведено самое неприглядное место в торце стола, где она с большим трудом пытается усидеть, смеша публику. Чуть позже на этом же столе будет коротать ночь Соня (актриса Каролин Конрад). А публика будет знай посмеиваться над «глупыми» людьми.

А люди эти - ещё и горькие пьяницы, в больших количествах хлебающие водку из графинов на протяжении всего спектакля.

Но коли так, то ведь неоткуда возникнуть ни глубокому беспокойству Астрова, и самого Чехова, о вырубаемых лесах в России, ни красивой мысли о человеке, в котором должно быть всё прекрасно: «и лицо, и волосы, и руки». Этот текст, выжимая из пьесы комедию, сценический Астров обращает прямо к Елене Андреевне, пеняя ей за её аморальную нечистоплотность - с точки зрения театра, игнорируя то, что у автора доктор по-настоящему проникся у ней чувством.

Сцена из спектакля "Дядя Ваня" (© Schauspielhaus.ch)

Не способен ни на что и сценический дядя Ваня: ни увлечься женщиной, ни себя убить, отупев от выпитого, ни в профессора попасть: промахнулся. Ведь — комедия! Всё накрыто внешним кривлянием полуспящих персонажей и густым облаком сценического дыма, скатывающегося со сцены в зал.

Нет в спектакле места и чеховским откровенным, оголённым чувствам людей, которые осознают ошибочный выбор своего идеала. Профессор Серебряков у автора – не просто бездарный иждивенец, паразит, карикатурно танцующий гопака в доказательство, что боль в коленях прошла. Рядом с молодой Еленой он страдает,

видя, как он её тяготит, и болезненно ощущает свою старость. Молодая красивая жена его – вовсе не самка, ищущая телесного контакта. Отчаянная безвыходность Елены Андреевны толкает её на безнравственный поступок. Срывается дядя Ваня, осознав мозгом, ощутив кожей, что жизнь — ошибка! Безутешно понимает и доктор Астров, что он – в капкане у судьбы, что его чувства уже притупились! Господи, как это современно! Как отзывается и волнуется сердце и мысль, наталкиваясь на то, что открыл нам автор еще в 1896 году!

Однако вместо этих откровений, уважаемый театр предпочёл пошлые танцы в так называемом современном стиле, когда нижняя часть человеческого тела становится главной и с упоением вращается по кругу, соприкасаясь с такими же вертящимися частями других танцующих. Главный герой прилюдно, за общим столом отрыгивает не переваренную пищу. Прошу простить, что приходится так писать о чеховской пьесе, но таковы факты.

Сцена из спектакля "Дядя Ваня" (© Schauspielhaus.ch)

А дивный финальный монолог Сони о небе в алмазах и о том, что она верует и призывает дядю тоже верить в то, что те, кому плохо, отдохнут и услышат ангелов, и увидят, как всё зло земное, и все их страдания потонут в милосердии, которое заполнит собою весь мир, и тогда их жизнь станет нежною, сладкою, как ласка... этот монолог легко заменён режиссёром рассуждениями героини о Колумбе и открытии Америки.

При таком понимании вещей от чеховской поэзии и философии не осталось в спектакле практически ничего, что делает эту пьесу бессмертной. И невольно напрашивается вопрос: если так не нравится чеховское содержание, почему бы авторам спектакля не написать свою собственную пьесу о сегодняшнем дне? Или, по крайней мере, сообщить в программке, что смотреть мы будем спектакль «по мотивам» пьесы гениального писателя, «переваренной» режиссером.

Что касается одежды персонажей в спектакле, процитируем самого А. П. Чехова. Когда ему сообщили, что в одном из провинциальных театров главный герой был

одет в сапоги и мужицкую рубаху, он впервые гневно отреагировал: «Нельзя же так, послушайте. У меня написано: он носит чудесные галстуки. Чудесные! Поймите, помещики лучше нас с вами одеваются». К. С. Станиславский раскрыл смысл ремарки: «Тут дело было не в галстуке, а в главной идее пьесы». Гениальный режиссёр рассмотрел в этой крошечной детали поэтичность и нежность таких, как дядя Ваня и Астров, которые «глохнут в захолустье», в то время как Россией правят другие. («А.П. Чехов в Художественном театре». К.С. Станиславский, том 5, стр. 338). Что увидела для себя в чеховском тексте Карин Хенкель, остается загадкой.

От редакции: Спектакль «Дядя Ваня» можно увидеть на сцене цюрихского театра до 5 марта. Найти информацию о показах и заказать билеты можно на [сайте театра](#).

[культура Швейцарии](#)

Статьи по теме

[«Дядя Ваня» не хочет отдыхать](#)

[В Женеве попытались воскресить «Мертвые души»](#)

[Испытание «Карамазовыми»](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/culture/osovremenennyy-dyadya-vanya-v-schauspielhaus>